СТИЛЬ

На вечное хранение

часы **музеи**

В мире существует около сотни часовых музеев — в Австралии, Китае, Франции, Литве, Германии, США, Японии. Но лучшие, разумеется, находятся в Швейцарии. В стране, где о часах знают все — от «Ла» (как в слове «Ла-Шо-де-Фон») до «Ле» (как в слове «Ле-Локль»).

Выбор направления

Вообще-то даже в одной Швейцарии музеев, посвященных часам, можно легко насчитать с дюжину. Правда, большинство из них — так называемые музеи компаний, принадлежащие определенной часовой марке и рассказывающие о великой и славной истории этой самой марки.

Но есть музеи, гордо стоящие над конкурентной схваткой. Как настоящее посещение Парижа трудно представить без визита в Лувр, на свидание к закованной в пластиковый кокон «Джоконде», так и настоящая поездка в Швейцарию будет неполной без посещения хотя бы одного из двух музеев, о которых пойдет речь ниже. Начнем со столицы.

Дом времени

Разумеется, знатоки часового дела уже поняли, что швейцарская столица — это никакой не официальный Берн с его депутатами от кантонов и уходящими в бесконечность галереями бутиков и не деловой Цюрих с лопающимися от золотых слитков банковскими хранилищами. И даже не Базель и Женева с их ежегодными всемирными выставками часов.

Часовая столица — это городок Ла-Шо-де-Фон, окружной центр в кантоне Невшатель. Существует с XVII века, диктует часовую моду с XVIII века. Ла-Шо-де-Фон — родина часовых марок Girard-Perregaux (1791/1856), Invicta (1837), Breitling (1884), Eberhard & Cie. (1887), Movado (1881/1906), Ebel (1911)... Пожалуй, стоит остановиться.

Городок похож на многократно уменьшенный Санкт-Петербург. Улицы могут идти либо параллельно, либо перпендикулярно, третьего не дано. Никаких тебе колец, резких поворотов и острых углов. Будучи по рождению не питерцем, а москвичом, в Ла-Шо-де-Фоне я себя ощущал маленьким-маленьким насекомым, ползающим по колесикам часового механизма. Больно уж все вокруг было правильно, по линеечке.

Сто с небольшим лет тому назад в Ла-Шо-де-Фон приезжал из Цюриха молодой политэмигрант Владимир Ульянов — договаривался с местной типографией о печатании оппозиционной газеты «Искра». В доме, где когда-то издавали большевистский листок,— до сих пор печатный салон. Век с небольшим — это слишком маленький срок, в Ла-Шо-де-Фоне за такой краткий промежуток времени мало что меняется. Музею часов, между прочим, тоже вторая сотня лет уже пошла. Здание, правда, новое стоит, но на старом, освященном традицией месте.

Писком пунктуальности и упорядоченности мне показались коричневые стрелочки, указывающие путь к музею. Они стояли чуть не через каждые пять метров на пути от железнодорожной станции до главной достопримечательности города.

Международный музей часового дела (Musee International d'Horlogerie) расположен на рю Мюзе, то бишь Музейной улице. С одной стороны от него — исторический музей, с другой — музей изящных искусств. Оба, честно говоря, не стоят особого внимания. И лучше в соседние музеи даже не ходить, чтобы не испортить впечатления от часового музея номер один (в Швейцарии и мире). А впечатления будут прямо со входа.

В нескольких залах Международного музея часового дела уместились часы от античности до наших дней

Архитектор, создававший проект современного здания часового музея, явно много размышлял над вечным, не имеющим ответа вопросом: «Что такое время?» И в результате весьма успешно сумел вселить ощущение неразрешимой загадки в посетителей. Еще до входа в здание музея надо спускаться и подниматься по ступенькам, проходя под некоей бетонной конструкцией, напоминающей то ли недостроенный мавзолей Ленина, то ли сильно разрушенную пирамиду Хеопса изнутри. В первом музейном зале необходимо пройти по мостику сквозь механизм гигантских башенных часов. Ощущение букашки внутри механизма — еще более полное, чем на квадратно-гнездовых городских улицах. Ничего, на втором этаже музея все будет наоборот — из стеклянной галереи открывается вид на громадный часовой механизм, расположенный в саду, и возникает чувство того, что теперь снаружи ты, а часы у тебя внутри (и почему-то вспоминается крокодил из книжки про Питера Пэна, проглотивший будильник).

В несколько залов первого этажа уместилась вся история цивилизации от античности до наших дней. Свечки с делениями, сгорающими за определенный временной интервал. Древние солнечные часы, называемые мистически звучащим словом «гномон». Водяные часы, также имеющие собственное заковыристое название — «клепсидра» (это не я такой эрудированный, это я подслушал экскурсовода, объясняющего что-то группе японцев). А на другом конце временной шкалы, миллионы «тик-так» спустя,— современные атомные часы и компьютеры с какими-то специальными программками, посвященными часам. В Европе давно уже поняли, что многие люди не в состоянии долго прожить без компьютера, даже если они пришли в музей.

Где-то посередке расположились и заставляющие вспомнить детские поездки в деревню часы с грузиками и кукушкой. Между прочим, часовая кукушка первоначально была петухом, и в этом прослеживались несомненные евангелические мотивы (видимо, трижды кричащий механический петух должен был напомнить часовладельцу о том, как грешен род человеческий). Существует же апокрифическое предание, что апостол Павел плакал каждое утро, слыша крик петуха и вспоминая о своем малодушном отречении.

Между гномоном и компьютером существуют также выплывшие из жутких рассказов Эдгара Аллана По маятники. Оказывается, будильник изобрели в XV веке. Никогда бы не подумал, что так рано. А вот Леонардо да Винчи изобрел специальную конструкцию, которая в назначенный час выбрасывала владельца будильника из кровати на пол.

Андроиды часовщиков Пьера Жака Дро и Анри Дро — главные экспонаты Музея часового дела в Ле-Локле

Лично мне интереснее любых высокотехнологичных технических игрушек нашей компьютерной эпохи высокотехничные кунштюки XVIII века (вроде гофмановского Щелкунчика, когда часовой механизм заставляет маленькие фигурки совершать различные движения — охотники стреляют, птицы машут крыльями, влюбленные любят и так далее). Оказывается, даже слово «андроид» изобрел вовсе не режиссер «Звездных войн» Джордж Лукас. Андроиды названы в честь швейцарских часовщиков Пьера Жака Дро и Анри Дро, прославившихся в конце XVIII века созданием самых сложных механических игрушек с часовым механизмом. В отношении этих созданий применяется также термин «автоматон», но андроид, мне кажется, звучит более гордо.

Из здания музея выходишь слегка обалдевшим (подобное растерянное выражение лица видишь и у других посетителей). И возникает последняя, самая сильная литературная ассоциация — сумасшедшее чаепитие в «Алисе в стране чудес». И единственный способ сохранить рассудок — предаться потребительской лихорадке в киоске при музее. Купить какой-нибудь простенький сувенир, например, репродукцию работы «Дали» с текущими часами.

Как там у Кэрролла?

«— А разве ваши часы показывают не час, а день?

— А твои что, год что ли?»

Друг-соперник

Ла-Шо-де-Фон и Ле-Локль — это Монтекки и Капулетти, ЦСКА и «Спартак», кока-кола и пепси-кола. Архиконкуренты.

Из первого города во второй можно легко добраться на электричке (как-то трудно назвать поездом электровоз с двумя вагонами). Главное — не уснуть под успокаивающий стук колес, а то проснуться можно уже во Франции.

Хотите ле-локлевский список гордых часовых имен с вековой историей в противовес ла-шо-де-фонскому? Пожалуйста: Henry Moser (1826), Ulysse Nardin (1846), Tissot (1853), Zenith (1865), Doxa (1889), Angelus (1891). А уж одно название слышали даже те, кого ни волнуют никакие швейцарские часы, а гораздо больше интересует хоккей с шайбой. Paul Buhre — то бишь Павел Буре. Пращур и полный тезка звезды НХЛ, уроженец Ле-Локля.

Видимо, конкуренции ради даже градостроительная планировка Ле-Локля нисколько не похожа на планировку Ла-Шо-де-Фона. Сплошные непрямые линии, неровные углы, да еще в придачу холмистый рельеф местности, так что крыша одноэтажного дома может находиться ниже фундамента одноэтажного же дома, стоящего на соседней улице.

Вольная планировка — это, конечно, романтично и близко моей московской душе. Вот только найти что-нибудь в городке, даже имея в руках карту, не представляется возможным. Лучше обратиться за советом к местным жителям, которые всегда помогут заплутавшему туристу найти дорогу к музею. Что я и делаю, спрашиваю, как пройти к Музею часового дела (Musee d'Horlogerie du Locle).

С архитектурной точки зрения здание музея не впечатляет. А вот внутри не менее интересно, чем в Ла-Шо-де-Фоне. Только там был сделан упор на науку и серьезные мысли, а здесь — на часовое дело как изящное искусство.

Особую любовь составители музейной коллекции, похоже, испытывали к часам настенным и каминным, а если уж попадаются наручные, то скорее в форме ювелирного, а не механического шедевра. В общем, приоритет формы над содержанием (то есть отделки над механизмом).

Значительную часть музея составили несколько частных коллекций местных жителей, в том числе собрание Мориса Сандоза, художника, поэта, музыканта и наследника всемирно известной фармацевтической компании Sandoz.

Словом, гнетущих мыслей при просмотре экспозиции особо не возникает, но «охов» и «ахов» в музейных залах слышно больше. Вот настенные часы с маятником работы Пьера Жака Дро. Ага! Значит, андроиды близко. И точно — по соседству мерзкая старуха с часовым механизмом (судя по этикетке на английском языке — злая фея), золотая клетка с поющей птичкой и другие шедевры механики.

Два экспоната заставляют вспомнить о России. Во-первых, наградные Tissot, полученные российским гвардейским офицером в 1904 году, во-вторых, «Командирские» Чистопольского часового завода, неизвестно каким ветром занесенные в эти швейцарские края.

В магазинчике при музее нет репродукций Дали, зато можно обнаружить забавную книжку, труд местного краеведа, в которой перечислены не только все местные часовые компании и мастерские, но даже имена всех лелокльцев, трудившихся в часовой промышленности за последние пять веков (!).

Постскриптум специально для тех, кому понравились андроиды

Если вам в Ле-Локле ли, Ла-Шо-де-Фоне ли приглянулись механические игрушки отца и сына Дро, то знайте, что лучшие образцы этого жанра находятся в Музее истории и искусств города Невшателя (Musee d'art et d'Historie de Neuchatel). А поскольку вы все равно находитесь в кантоне Невшатель, то почему бы вам не посетить и третий музей? Большая часть этого музея, правда, находится на реконструкции, но кукол Дро увидеть можно. Их три штуки. И не всего три, а целых три. Эта великолепная троица стоит дороги до Невшателя.

Поверьте, увидев, как механическая кукла-писатель выводит на листе бумаги красивым почерком слова «Мой создатель — Жак Дро» (по-французски, разумеется, других языков она не знает), вы, во-первых, долго будете убеждать себя, что это неживое существо, а во-вторых, никогда не забудете увиденного.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВ

Musee International d'Horlogerie в Ла-Шо-де-Фоне — *Ru Musee 29, tel. +41 (0) 32 967 68 61; e-mail: mih.vch@ne.ch; http://www.mih.ch/mih/index.htm. Открыт с 10.00 до 17.00, понедельник — выходной.*

Musee d'Horlogerie du Locle — *Route des Monts, 65, tel. +41 (0) 32 931 16 80; e-mail: mhl-monts@bluewin.ch; http://www.mhl-monts.ch. Открыт с 10.00 до 17.00 с мая по октябрь, с 14.00 до 17.00 с ноября по апрель, понедельник — выходной, не работает во время рождественских каникул.*

Musee d'Art et d'Historie de Neuchatel — *Esplanade Leopold-Robert, 1, tel. +41 (0) 32 717 79 20; e-mail: mahn@ne.ch; http://www.mahn.ch. Открыт с 10.00 до 17.00 (вторник, среда, пятница, суббота, воскресенье), с 10.00 до 21.00 в четверг. Музей не работает во время рождественских каникул.*

Свое имя на циферблате

часы **мастер**

Мир сложных механических часов сегодня немыслим без шедевров Франсуа-Поля Журна. Основателю марки своего имени F. P. Journe Invenit et Fecit присущи перфекционизм и бескомпромиссный стиль. Авторский характер часов подчеркивается названием «Ф.-П. Журн. Изобретено и создано». С лета часы Франсуа-Поля Журна можно будет заказать и в Москве.

Сорокасемилетний уроженец Марселя Франсуа-Поль Журн обладает не только мужеством, позволившим ему поставить свое имя на циферблате, но и мудростью, благодаря которой это имя появилось там всего шесть лет назад. Учащийся легендарной Парижской школы часового дела Журн создал свои первые сложные часы, когда ему было всего 20 лет. Это были карманные часы с турбийоном. Но затем Журну потребовалось еще двадцать лет для того, чтобы решиться на выпуск часов под собственным именем.

Эти годы вместили и реставрацию старинных часов, и конструирование сложных механизмов по индивидуальным заказам коллекционеров, и разработку отдельных элементов часовых механизмов для Breguet и Cartier. Только в 1999 году Журн решился наконец на серийное производство, перейдя от изготовления двух-трех экземпляров в год к выпуску двухсот.

Дебютная коллекция зарегистрированной тогда марки F. P. Journe Invenit et Fecit состояла всего из двух моделей, каждая из которых была выполнена в количестве 99 экземпляров.

Первая из моделей — Tourbillon Souverain — базировалась на разработке Журна образца 1991 года и представляла собой единственные в мире часы с турбийоном, оснащенным ремонтуаром постоянной силы. Ремонтуар постоянной силы это, говоря упрощенно, принципиально иная часовая «трансмиссия», то есть схема передачи энергии заводной пружины через систему колес к механизму турбийона.

Второй дебютной моделью Журна был резонансный хронометр, использующий изученный изобретателем эффект резонанса, вызываемого одновременным ходом двух не зависимых друг от друга балансовых колес. При этом внутри одного корпуса размещаются два независимых механизма, каждый из которых способен показывать время отдельного часового пояса. Обе модели были дополнены индикаторами запаса хода и обладали единым стилем, до сих пор обеспечивающим часам Журна безусловную узнаваемость.

В 2000 году под маркой F. P. Journe Invenit et Fecit были показаны уникальные часы с боем и минутным репетиром Sonnerie Souverain. Тогда же изобретателем был введен собственный Калибр Octa.

Новые часы Франсуа-Поля Журна Chronometre Souverain и рисунок их механизма

В это семейство вошли сложные автоматические механизмы, обладающие значительным (до 120 часов) запасом хода, при этом размер механизмов Octa не зависит от дополнения их любыми усложнениями: всегда 30 мм в диаметре и 5,7 мм в толщину. Первый раз механизм Octa был использован в модели с индикатором запаса хода Octa Reserve de Marche (2001), затем последовали Octa Calendrier (2002) и Octa Lune с индикатором лунных фаз (2003). В 2003-м появились первые женские часы F. P. Journe Invenit et Fecit: ими оказались Octa Divine с индикаторами фаз Луны, запаса хода, большим окном даты, более привычным (не смещенным от центра) расположением циферблата. Корпус из белого золота, украшенный бриллиантами по ободку, имел уменьшенный по сравнению с мужским диаметр 36 мм.

В 2004 году дебютировала модель Octa Zodiaque, в которой вращающаяся круговая шкала указывает текущий месяц и соответствующий ему зодиакальный символ. В 2001 году Журн повторил свои самые сложные часы — резонансный хронометр, турбийон с ремонтуаром постоянной силы, а также модель с запасом хода 120 часов в великолепных ювелирных корпусах работы Harry Winston, став первым участником проекта Opus.

В прошлом году Журн вновь порадовал коллекционеров сложных часов, представив модель Tourbillon Souverain с ремонтуаром постоянной силы и секундной стрелкой, закрепленной на каретке ремонтуара. Новое усложнение принесло часовщику гран-при часового искусства Женевы в самой престижной номинации L'Aiguille d'Or («Золотая стрелка»).

Последняя премьера состоялась две недели назад в Женеве. Журн показал очередные сложные часы — Chronometre Souverain со свободной (разгруженной) пружиной. Увеличенный до 50 часов запас хода потребовал применения двух заводных барабанов. Эстетически новые часы отражают философию Журна, находящего красоту в сложности механизма. Кстати, для того, чтобы подчеркнуть изысканность своих технических решений в прошлом году Журн вернулся к применению часовых пластин и мостов, сделанных исключительно из 18-каратного розового золота.

Журн занимался не только механизмами, он выработал и свой собственный стиль — его часы всегда имеют круглый корпус из платины или розового золота, центральная часть циферблата непременно украшена узором гильоше, а стрелки вороненой стали характерной только для этой марки формы. Часы Франсуа-Поля Журна смело могут быть рекомендованы настоящим ценителям сложной механики, для которых престиж не ограничивается лишь раскрученностью брэнда.

ЮРИЙ ХНЫЧКИН, газета «Бизнес»

МАТЕРИАЛЫ НА ТАКОМ ФОНЕ ПУБЛИКУЮТСЯ НА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОДЕРЖАНИЕ НЕСЕТ РЕКЛАМОДАТЕЛЬ